

Сны похожи на сны

Отвечай, не подумав: ты кто?

Между звуком и телом не надо зазора:

Словно снова другой, пустоту заполняет пальто.

А за снами шпионить не хватит ночного дозора.

Эти сумерки снова проворнее всех —

Снов, фантомных твоих приближений.

На скамейке роса рассыпает свой мех,

Но боится рассвета не меньше твоих отражений.

— Наши «бродские» песни надёжнее всех, —

Говорю, тридцать лет загубив по окраинным клубам,

Где ты тоже имела немалый успех

У прыщавых студентов, поющих к чему-то Гекубу.

Винстон согласен сгореть зазря...

М. Г.

Смысл глотает сам себя,
Сигаретным дымом катит смешок.
Ещё придётся просить огня,
Только вышел табак и окончен срок.

Слава богу, осталось, что тишины.
Этих тонких слов, прошу, не спугни.
Мы не будем теперь никогда одни —
Там, где пальцы гнутся легко, как дни.

Смысл вдыхает себя «невзатыг»,
Сигарета пробует воздух,
кашляет без звука,
Обещая выход из всех передрыг,
Горький смысл раздавая вокруг.

Когда мы переместились трамваем,
Там был дождь. Но важно ли это?
Ведь и мы когда-то играли
Вашим временем с вечера до рассвета.

Когда мы переместились дальше,
Превратились в бухгалтеров, но не пропали.
Только и становились старше,
Будущее в себе изживали.

Промокла газета, а телевизор
Новости всё показывал, с надрывом:
Приближался парад и всё ближе
Полки протягивались молчаливо.

Умирал, да, кровавый мальчик,
Всё не в тему!
Он кому-то показывал пальчик,
Лез на стену.

А бывало, раньше гонял
На трамвае, к примеру, восемь.
И была на висках, как броня,
Незаметная проседь.

А теперь, посмотрите, лежит —
И встанет не сразу.
Долго ангел будет учить
Песню «Сектора Газа».

Я добавлю только, что рыж янтарь
У людей и совсем другое у лис.
Я ошибся — наш слишком велик словарь,
Да и я, к сожалению, не Улисс.
Даже не знаю, что сделал он,
Хоть догадаться сейчас легко.
Дело известное: закон
Преступи и живи далеко.
Пробирайся сквозь буквы
Незнакомых губ
И бровей — запятых-тире.
Каждой букве от счастья срываться с губ
Вдалеке от семи морей.
Этой подстриженной стезёй,
Напоминающей газон,
Вновь возвратится уже ферзём,
Словно со шкурой лисы, Язон.

Части от сломанных вещей:
Поцелуй, дуновение ветерка —
Ты бери и неси скорей
Из огня да в сон своего теремка.

Где окно, как сонная полынья, —
в ней смола закалилась чтоб,
Золотой копной волос дразня.
А ты снова подставил свой медный лоб.

Нарисуем карту живой страны,
Города и этот незрячий сон
Разместятся рядом, а для зимы
Остаётся солнечный перегон.

Это как бы о встрече наоборот.
Впрочем, в картах, ты знаешь, герой — дурак
На экране послушно откроет рот
И оставит тебе непонятный знак.

В нём увидишь, что хочешь, — знакомый сон,
Незнакомый бархат ночных полей.
Кто в углу нашёптывал в унисон,
Как хотелось побыть хоть чуть-чуть смелей?

В маленьком городе, где бывать нельзя,
В советском барокко, утроенном слезой,
По октябрю, обжигаясь, скользя,
Повторяя мотив, сочинённый давно...

Городок был прост, его пути
Неисповедимы, как сказал бы Фрейд.
Проживала в нём девушка лет тридцати,
Пусть не камень, так хотя бы твердь.

Оживала, удлиняя строку,
Здесь, на окраине нового материка.
С кем-то надо пережить пургу,
А потом расставаться наверняка,

Совершая то, что свершает жизнь,
Оставляя ей время побыть собой.
Даже время можно теперь отложить,
Хоть на время. И стать навсегда другой.

Хорошо написать про сантехника Петрова,
Как какой-нибудь московский хахаль.
Про минареты Стамбула, похожие на овины.
Лучше, однако, вернуться с повинной
На улицу смешанной грязи и глины,
Туда, где однажды отмечен страхом.

Хорошо, ощущая тяжесть карандаша,
Ещё не зная, о чём рассказать сегодня,
В углах запутаться белой страницы,
В перепадах почерка, словно на сходнях,
(может, сумеешь сейчас отличиться!)
Раскачаться, вода же течёт не спеша.

Хорошо, что ребята простые,
нам ваши шинели
Означали лишь бедность. Но правды
Дали слово и нам по пропущенной теме
На посадках словесной рассады.
Вот и наши записки похожи опять на раскопки,
Грядки в ряд, но без всякого там пастернака.
Углубиться не мешкая словом незлобным,
Запинаясь среди облаков и облаток.

Даже бумага полна любви —
К самой себе, к золотым словам.
Вспомни меня и позови,
Когда ты сумеешь читать по слогам.

Эта местность изменится. Ряд пирамид
выйдут из книг, обратятся вспять.
Но оживает простой мотив,
Его невозможно не повторять.

Его невозможно хранить устам,
Как невозможно с небом сложить.
Быть может, он даже победный гам,
Когда больше некого победить.

Отворится небес «васисдас»:
— Ну, как там у вас и что?
— Ничего. Нам дан приказ:
Пиво пить и пить вино.

Дан приказ — сочинить стихов
По образу, но без бытия,
Чтобы прожили сто веков,
Чуть меньше, чем ты и я.

Снег так же кружился и шёл вперёд,
Так же стелился, но фонарь
Не зажгли сегодня, и новый лёд
Рос изнутри, как встарь.

Где найти нам такое тепло
И разрушить себя, не боясь?
С улыбкой последней сказать: «А то!» —
После — растаять, смеясь...

Автобус — и далее без препинания
Знаков — поля проезжает бумажные.
Если б знать, что случится, заранее, —
Мы были б с тобою отважнее.
Это точно, замётано, «верняк».
А теперь — заходя в кафе —
В мигающей лампе видишь знак,
А в зеркале-витраже
Себя узришь и — хорошо.
Всё, знать, продолжается, пока:
Блестящие автобуса бока,
Маршрута и времени хоровод.

Тихий, испорченный голос кого-то искал.
День наступил, но он звался опять октябрём,
Где бедные мы, промотавшие свой капитал,
Зашли и остались, и тихо живём.

Где в оспинах снова увидишь лицо
Асфальта. И хочется броситься вспять.
Но если для мира ты был дельцом
иль дольщиком,
Всё же не смог устоять:

Когда вдруг приснится знакомый вокзал,
Он приближается, ищет тебя.
Его электричек пустые глаза
Блуждают по телу и венам скользят.

Так сроком опять обвиняется срок.
Пытается мальчик читать между строк.
Но плохо выходит — приходит звонок.

Провинциальные поэты

В небе живут необычные люди,
Которым просто, не так нам с тобой,
Жить, называя его собой.
(Только слов там уже не будет.)

Слишком быстры, но там всё быстрее,
Так что слова не произнести.
Парк отцветает, и не перенести:
Будущего не будет, всего скорей.

Такие вот ноктюрны или сонеты.
Не знаешь, что и сказать.
Входят провинциальные поэты,
Только не стоило их призывать.

Они просты, говорят про резкость
Осеннего воздуха, о его прицеле.
О том, что закончились время и местность.
Мы зачем-то остались и уцелели.

Строй наш хромает, являясь строем
Лучшим сегодня и навсегда.
Его охраняют чужая звезда
И пальто старой кожи
простым покроем.